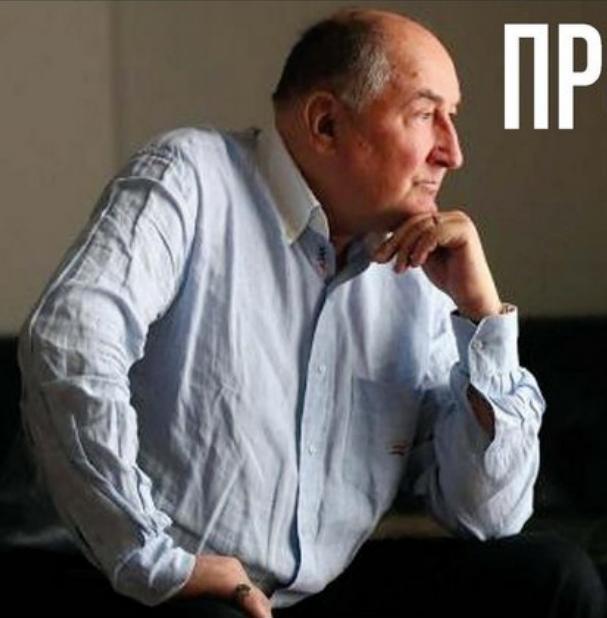
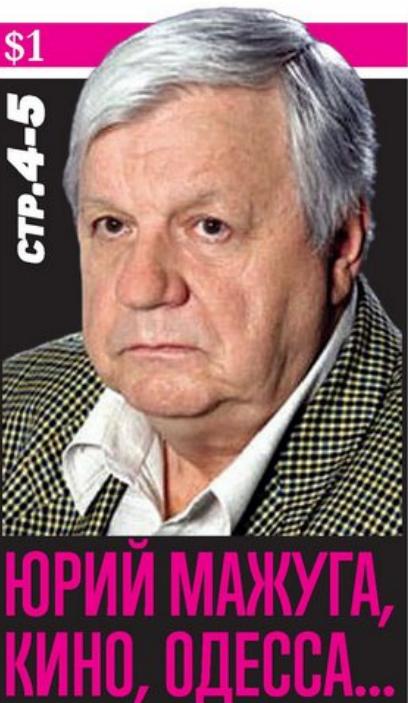

Price in NYC 50¢, outside of NYC \$1

ПРОЩАЙТЕ, ГРАФ...

стр.6-9

стр.4-5

ЮРИЙ МАЖУГА,
КИНО, ОДЕССА...

СОБЫТИЯ. МНЕНИЯ. ИСТОРИИ.

Бульварные новости

№28 (109)
ИЮЛЬ 2022

стр.10-11

МИХАИЛ КОНОНОВ,
КИНО, ОДЕССА...

стр.14

Утёсовская математика

стр.16-17

БРЮКИ
КАРГО

АРКАИМ

стр.15

Ансамбль «Генофонд»

ПРОЩАЙТЕ, ГРАФ...

Геннадий Норд

Много лет назад Борис Львович создал Датский ансамбль Гильдии актеров «Генофонд». Датский — потому что выступал коллектив только на юбилейных датах, а генофонд... Стоило только взглянуть на постоянно меняющийся состав коллектива, на этих колоритных актеров, которые в смокингах, с бабочками пели юмористические посвящения юбилярам, чтобы сразу все понять.

Я тоже часто выступал с ними на одной площадке, да и на других мероприятиях встречался, и почетный член Союза писателей Северной Америки Борис Клюев, смеясь, говорил мне:

— Генофонд назван твою честь. Ты же Гена. Он был по-настоящему народным артистом — его любили несколько поколений зрителей. Для старших он был хитро-

умным шпионом Трианоном из фильма «ТАСС уполномочен заявить» и, конечно, невозмутимым графом Рошфором из «Д'Артаньяна и трех мушкетеров». Да и выглядел он всегда как аристократ, ну, граф — да и только!

Молодое поколение обожало его в образе художника философствующего пенсионера Николая Петровича Воронина из одноименного сериала.

В его биографии, кроме уже перечисленных и знакомых каждому, были и другие выдающиеся по своему культурному значению работы в кино и великолепные роли в театре. Он отдал Малому театру пятьдесят лет, был постоянным партнером Элины Быстрицкой на сцене.

Клюев всегда умел найти живое, человеческое даже в самом картонном персонаже — достаточно вспомнить того же Рошфора из, как признавал сам артист, довольно посредственного фильма.

Картина получилась благодаря тому, что была хорошая компания, мы все были очень молоды, плюс замечательная музыка Максима Дунаевского. Тогда там что-то и получилось.

— Ты хорошо выглядишь. Где берешь силы?

— Я за собой слежу. Долго занимался спортом: играл в футбол, увлекался легкой атлетикой и баскетболом. Есть первые разряды по борьбе и баскетболу. Пять лет назад бросил теннис: появились «Воронины». Элементарно времени не стало хватать. Но вообще, я очень организованный человек. Нравится существовать в спрессованном режиме. Иначе скучно. Есть старая актерская шутка: «Актер несет дважды: когда нет работы и когда работы много». Мне неинтересно без работы. Я должен кипеть, крутиться, ехать на съемки, ездить к студентам. Моя энергетика их заражает.

— Ты как-то сказал, что слишком эмоционален, поэтому вынужден себя сдерживать. По какому поводу последний раз испытал острую реакцию?

— Сейчас стараюсь себя контролировать. А по молодости, лет до тридцати, все время драился. Вспоминаю мой любимый Дом актера на Пушкинской. Мы там обязательно выпивали, и под занавес — драки. Еще помню ощущения от игры в rulette в Питере. Играли всю ночь на привезенной из Чехословакии rulette. Вначале выиграл почти состояние, потом стал проигрывать. И вот тут-то меня и накрыло... Я то к Богу обращался, то к дьяволу! К се мута остановился с теми же деньгами, с которыми пришел. Выпотрошен был полностью. И понял,

В роли Трианона

что мне это запрещено. Сколько Саша Абдулов меня ни пытался завлечь в это дело, ничего у него не получалось. Приходил в казино, но всегда знал, что мне это не нужно. Последний раз в Лас-Вегасе долларов двадцать проиграл — вот и все.

В молодости постоянно в нелепые ситуации попадал. Много лет назад в Ленинграде, а тогда еще было плохо с водкой, я оказался в большой компании на гастролях. Сидели в гостинице «Октябрьская». Из крепкого закончилось всё. И заведующий музыкальной частью Малого театра Анатолий Паппе с вызовом так сказал: «Неужели у нас нет мужчин, чтобы достали водки?». Он встал: «Я иду!». Я понял: надо ответствовать. Тоже встал и говорю: «И я!». И мы поехали ночью за водкой. В то время только в аэропорту можно было ее достать. Там в кафе около буфетчицы стояла толпа, канючили вразнобой: «Ну, хоть бутылочку!». Но она ничего не давала. И мы тоже у нее ничего не вымогли. Тогда таксист, видя, что мы люди приятные, хотя и разудальные, назвал нам кодовое место — Витеbsкий вокзал. Доехали, вошли в какие-то подворот-

В роли графа Рошфора

Три Бориса — Клюев, Грачевский, Химичев

ни и думаем: «Сейчас нам по башке дадут и отберут деньги». Нет, таксист свистнул и из темноты появился человек: «Сколько?». Мы говорим: «Три бутылки». Он выносит три бутылки, обернутые в газеты, как конфеты. И такие радостные приезжаем в половине четвёртого в гостиницу. А там картина маслом: все спят. Паппе вытащил эти три бутылки и вымученно ко мне обращается: «Ну, выпьем? Только мне что-то уже не хочется». И я вздохнул: «Мне тоже».

— Не думал о другой профессии?

— Знаю точно: я не рукастый. Было дело — рисовал в молодости, выпиливал что-то незатейливое. Но это все проходило. Я очень честолюбивый, вот это меня толкает вперед. Если бы судьба сложилась по-другому, всё равно я был бы каким-нибудь публичным человеком, я же умею красиво носить костюм дипломата или даже бизнесмена. Я сейчас вполне серьезно говорю. Меня интересуют биржи. Но на криминал никогда не тянуло. Хотя достаточно романтическим юношей смылся, прошел через все шпанские дела. Пусть не покажется самонадеянным, но я чувствую себя очень большую силу. Могу руководить людьми. Мне было очень тяжело из-за этого в армии: подчинение какому-то идиоту было по моему самолюбию!

— Ты снимался в серьезных картинах, а обладателем ТЭФИ стал за роль в молодежном ситкоме «Воронины». Каково оказаться вдруг кумиром подростков?

— Для меня это было очень неожиданно.

— Ты считаешь, что это хорошая работа?

— По тем реакциям телезрителей, которые я наблюдаю, она действительно хорошая. У меня ведь все-таки большая

фильмография, 160 фильмов. И, тем не менее, новое поколение, подростки знают меня только по этой роли и «египетской силе». Ты же видел, какой рев начинается в зале, куда я выхожу общаться со зрителями. Люди сносят всё на своем пути в желании быть поближе. Это те проявления, которые не купишь ни за какие деньги. Это — любовь публики.

— После «Ворониных» на тебя свалилась бешеная слава.

— Многие ассоциируют меня с Ворониным. Очень приятно, когда тебе говорят: «Большое спасибо за ваше творчество». Люди попрошают говорят: «Вы вылитый мой отец!». Значит, усилия правильные.

Недавно разговаривал с американскими продюсерами — будет продолжение сериала. Для большинства я слился с образом Воронина, но знающие меня, понимают, что этот персонаж с моей натурой имеет мало общего. Простачков играть гораздо сложнее, чем графов. Мне с моей фактурой этого было сложно, на первых порах режиссер не знал, куда ее девать. Что-то надел приличное сразу аристократ выходит. Вдоволь намучавшись, решили использовать старый чаплинский принцип: брюки на три размера больше, майка на два размера меньше. И вот вам правильный образ.

— Твои коллеги по съёмкам говорят, что Борис Клюев один из тех немногих артистов, кто треники носит, как фрак.

— Это работа, моя профессия. Никакого надлома или сопротивления я не пытаюсь, надевая треники. Если надо для роли, значит, надо.

— Но оказалось, что растигнутые треники с пузирями на коленях и майка-алкоголичка способны изменить человека до неузнаваемости.

С Элиной Быстрицкой

— Я горжусь своим участием в мыльной опере. Мы делали качественный продукт, за который не стыдно!

— Некоторые актеры считают подобный сериалный материал недостойным профессии.

— Так думают только те артисты, которых не приглашают сниматься. Дело в том, что любая работа — это, прежде всего, работа. И если она есть, ее надо делать хорошо. Тогда и будут результаты. Артист лучше, чтобы он был занят, нежели просто рассуждал, ничего не делая. Надо работать.

У моей подруги Риммы Марковой, царствие ей небесное, было такое выражение — «сниматься для поддержания штанов». Это она про подобные проекты говорила. И я ей отвечал тогда: «Римма, возьми и сыграй». Однажды ее пригласили сняться в «Воронинах» в роли моей сестры. Сцену мы с ней сыграли так драматично, что она даже расплакалась. И тогда я ей припомнил: «Вот видишь, как снимаются «для поддержания штанов!»

— Рукательство Воронина «египетская сила» ушло в народ. А к тебе оно не прилипло?

— За шесть лет съемок что-то и поприлипало. А вообще я совершенно другой человек. Я по натуре аристократ, граф. Как мой Рошфор.

— Малый театр считают оплотом консерватизма.

— Это люди глупые так считают и завидующие оттого, что не работают в императорском театре. Это вершина! Из национального достояния еще только Большой театр и столичная консерватория.

— Ты пробовал переквалифицироваться в режиссера?

— Пробовал. Даже поставил в Днепропетровском театре драмы и коме-

дии имени Горького два спектакля: «Фальшивая монета» по Горькому и «На всяком мудреца довольно простоты» по Островскому. Я был весь в материале, а там артисты растренированные, бедные, режиссуры нет. Но они вдруг как-то уцепились за спектакли, поняли, что от них хочу. Каждый раз на репетиции я знал текст наизусть, а они никак не могли понять, как я могу это всё выучить. Когда делал замечания по существу, некоторые возражали. Потом я неожиданно понял, что не хочу заниматься режиссурой. Это совершенно другая профессия. Я — актер и еще не напился из этого источника. А режиссерских амбиций у меня хватает на то, что ставлю со своими студентами в Щепкинском училище. Как только для себя это решил, тут же успокоился.

— Ты предан Малому театру. Но артисту нельзя без кино, ведь широкая известность приходит именно с экрана. Как ты выбирал, в чём сниматься?

— У меня есть правило: никогда не надо ни от чего отказываться. Порой небольшой эпизод может повернуть твою судьбу на 180 градусов.

— Почему это правило у тебя возникло?

— Я закончил сниматься у Игоря Масленникова на «Ленфильме». Играли у него Майкрофта в «Приключениях Шерлока Холмса и доктора Ватсона». Сижу с друзьями в буфете, пьем кофе с коньяком и треплемся. Вдруг ко мне подходит директор другой картины: «Боречка, вы не могли бы у нас завтра сняться в фильме «Паганини» в роли учителя Паганини?» Я сижу с коньячком, уже такой добрый и отвечаю ей: «Завтра у меня спектакля

Окончание на с. 8

С Георгием Дроновым и Анной Фроловцевой

С Геннадием Нордом

С супругой Викторией

Окончание. Начало на с. 7

нет. Двойная ставка». Она: «Пожалуйста, с удовольствием!» Я всю ночь пил-гулял, утром приезжал на съемки, башка трещит. Какой Лаганини? Спасало то, что у меня одна маленькая сценка. Но до нее никак не могли дойти. Всё что-то там не получалось. Наконец, я быстроенько сыграл свою роль, сел в поезд и приехал домой в Москву.

А через полгода меня разыскивает Вадим Дербенев, очень хороший режиссер. «Я думал, вы ленинградский актер. Мы вас искали везде. Вы играли учителя Лаганини? Я хочу вам предложить главную роль в фильме».

Вот ты и не знаешь, где тебе сделают интересное предложение. Поэтому всегда надо быть готовым. Я студентам говорю: «Старайтесь быть лучшими, даже в маленьком эпизоде».

— Должна ли быть цензура в театре или в кино?

— Должна быть. Есть очень показательная история. На международный театральный фестиваль приехал театр из Германии и привез какую-то историческую хренью. Вот сижу я в зале, а на сцене артист, очень пожилой. Голова бритая. Ну, старый гриб. И в одной из сцен он вдруг начал раздеваться. Я думал, что в какой-то определенный момент он остановится. Но ничего подобного. Он разделся догола. Зрители смотрели на лысую башку черепахи и тело шарпея, а он сам еще что-то квакал при этом.

Передо мной сидела женщина с маленьким сыном. Мальчик в ужасе смотрел на сцену: «Мама, что это?» Она долго пыталась объяснить, но слов не нашла. «Я тебе дома объясню», — сказала и отвела глаза в сторону.

Ну, что это такое? Это что, искусство? Это даже эстетически неприятно. Если бы у артиста было крепкое тело, возмож-

но, в этом можно было найти оправдание. А это что? Порнография.

Обязательно должна быть цензура, хотя бы нравственная. Это же культура!

— Когда-то наши артисты стремились в Голливуд, но в итоге вернулись назад. Не хотят играть плохих русских или не знают языка?

— Всё упирается в язык и деньги. Голливуд — это огромные, колоссальные бюджеты. Нужно так говорить по-английски, чтобы вы были поняты. Зачем им русские нужны? Их берут бандитов играть. Даже Володя Машков, Саша Балуев уехали оттуда. Им стало это неинтересно. У нас тоже прибалтийские артисты постоянно переозвучивались, хотя вроде все говорили по-русски. Да и роли им доставались иностранцам или немцам в фильмах про войну.

У меня четыре студента после окончания института брали характеристику и ехали Голливуд завоевывать. Девочки блестящие знали язык, без акцента разговаривали, но там конкуренция, профессии. Кому ты нужен со своим талантом? Я ездил в США преподавать. Мерил Стрип, помещанная на Станиславском, приходила посмотреть, как работает русский артист. Я ей лично показал два упражнения, та чуть не упала от сложности. В Голливуде не нужны индивидуальности, это индустрия. У них тьма своих талантливых актеров, а востребованы только несколько десятков. Остальные снимаются, но получают очень мало.

— Сейчас артист может хвалиться, что был в одном кадре с голливудской звездой. А ты мог хвалиться этим еще в СССР. Помнишь свою работу в «Красной палатке»?

— Никогда не забуду. Я был студентом четвертого курса. О западных звездах узнавал из польского журнала «Экран». В нем были очень красивые иллюстрации, я их вырезал. Они мне казались

не то что небожителями — волшебниками. И вдруг меня приглашают к Михаилу Калатозову сниматься в «Красной палатке». Питер Finch, Шон Коннери, Харди Крюгер. А красавица Клаудия Кардинale сделала у меня на коленях. Боже мой!

Я играл журналиста. Должен был брать интервью у главного героя Нобиле, которого играл Питер Finch. Я мог сидеть и слушать его, но придумал неожиданный ход — записывал, потом что-то зачеркивал и внимательно смотрел на собеседника. Калатозов после съемок сказал: «А кто этот мальчик?» Мне это было очень приятно. Меня заметили даже в эпизоде. Верить надо в себя. А еще не надеяться на режиссера, а самому себе всё придумать для образа.

— У тебя много друзей?

— Мало. Друзей много быть не может. Как ни странно, но я до сих пор дружу со своими одноклассниками. Я вырос на Патриарших прудах. Шпаны у нас было много. И чтобы постоять за себя, я пошел заниматься классической борьбой. А потом увлекся баскетболом. Играл за школу на городских соревнованиях. Женя Киндинов тоже занимался баскетболом в «Спартаке», но мы не были знакомы тогда. Это сейчас мы дружим и даже живем в одном доме.

На удивление, и его, и меня увлечено не только баскетбол, но и театр. После школы я поступил в Щепкинское, а он в Школу-студию МХАТ. Но я с учебной скамьи попал на три года в армию. И когда демобилизовался — вернулся доучиваться, а Женя был уже артистом.

— Как вы поняли, что у вас есть много общего?

— Греческий режиссер-коммунист Манос Захариас снимал фильм «Каратель». У Жени это была первая работа в кино. Ну и я, студент, попал в картину. Съемки проходили в Закарпатье. С погодой нам не повезло. Целыми днями лил дождь.

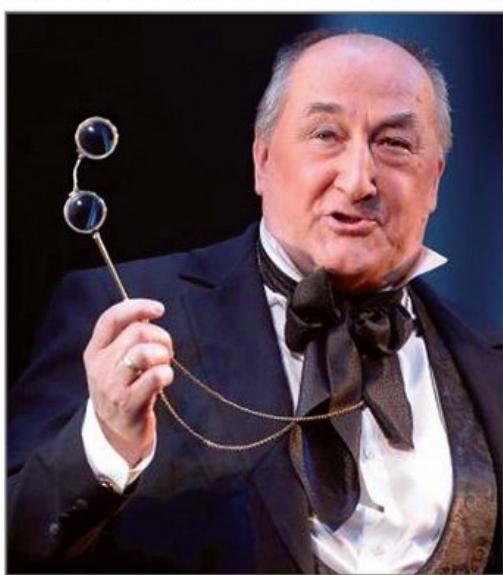
Делать было нечего, и я пошел на спортивную площадку, где ребята играли в баскетбол. Они пригласили меня в команду. Спросили: «За какое общество играл?» — «Спартак». Пришел и Женя. И так мы узнали, что когда-то в одной секции занимались.

Позже, лет в тридцать, я увлекся еще футболом и теннисом. Попав в Киев на гастроли, увидел, как там артисты играют. И мы с коллегами из Малого театра собирали свою футбольную команду. Назначили меня ее капитаном. В свободное время мы играли с коллегами из киевских театров. Там же я впервые взял в руки теннисную ракетку. Больше тридцати лет я играл в футбол и теннис, но в какой-то момент врачи сказали, что пора остановиться...

— Коллеги по театру не смотрят на тебя свысока, мол, отдался легко-му жанру?

— Как-то мы полетели на гастроли в Мюнхен. В самолете никто ко мне не подходил. Но когда вошли в здание аэропорта, ко мне бросились люди. Кто-то хотел сфотографироваться, кто-то взять автограф. Нужно было видеть лица моих коллег, стоявших рядом. Вечером, когда чуть-чуть выпили, я услышал всё, что полагается по этому поводу. В легких тонах, но яда было много. Я прекрасно понимаю этих людей. Много лет назад, когда я начинал, в Малом театре работал Юра Васильев. На экраны только вышел фильм «Журналист», сделавший его популярным. Зрители после спектакля бежали к служебному входу с желанием получить автограф. Я смотрел на него и завидовал.

А потом настало время «ТАСС уполномочен заявить». И выстраивалась очередь из поклонников, желающих поднести мне цветы. В глазах Юры, который в это время уже перестал сниматься, я видел тоску. Так что, к успеху надо отно-

ситься философски. Если сейчас ты на пьедестале, не думай, что это навечно.

— Случается, актер оставляет театр ради съемок. Ты много снимался, но Малый театр не предал.

— Надо уметь совмещать. Это целая наука, если хочешь усидеть на двух, а то и на трех стульях. Бывало, опаздывал в театр, выговор получал. Как-то, находясь на съемках в Минске, не успевал к спектаклю. Позонил в театр, попросил коллегу расписаться за меня в яичном листе. А сам на самолет — и в Москву. В театр добрался ровно к своему выходу в 21:45.

И такое бывало, но уйти из Малого даже мысли не возникло. Как только артист бросает сцену, тут же теряется. Наша профессия требует постоянного тренажера. А его дает только сцена.

— Ты почти полвека преподаешь в Театральном училище имени Щепкина. От каких театральных реалий предостерегаешь своих студентов?

— На первом же занятии говорю: «Когда вступаете в театр, не думайте, что вас там ходят романтические грезы, любовь, нежность, аплодисменты. Театр — это, прежде всего, зависть, иногда месть. Очень многие неприличные стороны человеческого бытия».

Как говорил Антон Павлович Чехов, актеры — насквозь прохоженные самоубийством люди. Они только о себе думают. Должно пройти очень много времени, и только если судьба в искусстве, как кажется артисту, складывается успешно, он может стать немножко добрым, ласковым, внимательным.

— Наверное, непросто тебе приходится с твоей прямотой...

— Да, у меня есть недостаток — говорю правду. Я перестал ходить в Дом кино, ездить на кинофестивали. Предложили недавно стать председателем жюри на одном из них. Посмотрел два фильма и отказался. Зачем это, о чём? Где режиссер, что с актерами? Ничего не понимаю. Если что не нравится, скажу прямо. Черное белым не назову. Ничего не могу поделать, такой уж родился.

— Что важнее в актерской профессии — трудолюбие или везение?

— Трудолюбие. Никогда не надо отказываться от работы. У меня был такой эпизод. Сыграл спектакль, выхожу и вижу человека. «Вы можете сейчас вместе со мной поехать в Ленинград? Завтра съемки, а Ефремов не отпускает Гафта». Приезжаем в Ленинград. Тогда известный режиссер Корж Саблин говорит: «Хороший малчик, фактурный, быстро его загримируйте».

Мне усы какие-то приклеили, проборчик сделали, и я вышел на площадку министром Временного правительства Шульгиным. А там уже были Владислав Стрельчиков, Михаил Волков из БТД. Фильм назывался «Крушение империи». Через год приехал на белорусскую студию. «Рудобельская Республика» фильм назывался, Николай Калинин — режиссер. Они, как только пробы увидели, говорят: «Ой, так это же Шульгин». Уже шлейф пошел. И меня стали приглашать на белорусскую студию.

Самое интересное, что однажды я познакомился с Шульгиным. Он жил в однокомнатной квартире во Владимире. Я сидел и думал: что вообще происходит? Как это может быть? Передо мной сама история. Ему уже было за девяносто. Высокий, худой, как лунь седой, борода. А глаз такой... Всё просчитывает. Мы с ним музиковали. Он играл на скрипке, я на гитаре. Политики не касались совершенно. Рассказал про семью: «У меня вторая жена была артистка, но пришлось ей покинуть театр. Я поставил такое условие». Много рассказывал про Временное правительство, про Керенского. Я после этого прочитал все его книги, подпольно изданные.

— Самым близким человеком для тебя стала супруга Виктория?

— Случались и влюбленности, и серьезные увлечения, два неудачных брака заплечами. А 45 лет назад я встретил Викторию, с тех пор мы вместе. Мы познакомились случайно, в компании у друзей. И сразу влюбился — с первого взгляда!

Виктория — спортсменка, бегала на средние дистанции. Я очень много сделал для того, чтобы добиться взаимности, ухаживал. Иногда по три часа пел по телефону!

— Сорок пять лет — это срок. А ссылались?

— Моя жена — очень умная женщина, которой удалось смириить мой буйный характер. Если я начинаю кричать, она просто выходит. Я пошурую минут пять, потом она возвращается, как ни в чем не бывало. Со стороны мы выглядим идеальной парой, потому что все время друг над другом подшучиваем. Если долго живешь с человеком, нужно уметь прощать, не замечать какие-то вещи. Я не верю в идеальную любовь. На каком-то этапе

люди должны просто уважать друг друга.

— В твоей семье есть правила, которых нужно неукоснительно следовать?

— Стараюсь утром с овсяной каши начинать... А, вспомнил! Есть железнное правило: если приезжаю на дачу, меня никто ни по какому поводу не трогает. Ложусь на улице — у меня для релаксации свой матрас и лежак. По бокам ложатся собаки. И мы все спим. Если кто-то меня в этот момент потревожит, может нарваться на хамство.

За несколько дней до...

Что касается театральной и преподавательской жизни... Если раздадутся мат, я тут же встану и ухожу. На вступительных экзаменах в институт мальчик один позволил себе мат читать. Я его выгнал. Есть понятие нравственности и культуры. Театр это — Храм. Священномодействий или убирайся вон. Студенты приходят разные, но всякие присяги, татуировки и прочая дурь за полгода вылетает. Да, они молодые, я никого из них не осуждаю. Живут в разных семьях, воспитываются в разной среде. Но если они попадают ко мне на курс и позволяют величины им крышка.

— Как ты себя чувствуешь?

— Я никогда на здоровье не жаловался, но вдруг заболел и никак не мог поправиться. Всегда был физически сильным: до 65 лет поднимал штангу, играл в футбол, большой теннис. А тут два месяца сильно кашлял. В театре реагировал и кашлял, кашлял, кашлял. А когда совсем стало плохо — температура 39 и прочее, мне сделали рентген и определили двустороннее воспаление легких. Попал в больницу, откачивали воду из легких, но диагноз долго не могли поставить. Потом сказали — рак...

— Испугался?

— Нет, не испугался. Решил продолжать жить, как жил. Работать, сниматься, выходить на сцену. И бороться — слушать врачей и лечиться.

Человек должен верить в чудеса и ждать их. Но если Господь возьмет меня, я отнесусь к этому спокойно. Хотя сейчас все это лечится, и надеюсь, что организм меня не подведет.

— Что чувствуешь, выходя на сцену?

— Страх! Если ты не волнуешься перед выходом на сцену, тебе нужно менять профессию. Даже если спектакль играется годами, десятилетиями — все равно это каждый раз заново. Это каждый раз непредсказуемо. Великий Ермолову держали трое — так ее трясло перед выходом на сцену. Но только она выходила, волнение улетучивалось. Наверное, так и должно быть...

— Что ты думаешь о своей жизни?

— Я прожил очень красивую и очень интересную жизнь. У меня было много радостей в жизни. Гораздо больше, чем горя.

Жизнь достаточно суровая штука. Конечно, хочется иногда и понять, и поскушать. Но сдаваться человек не должен, нельзя. Чудеса бывают! В них только надо верить!

Он не скрывал своей болезни, но и не афишировал. На работе не просил поблажек, не требовал к себе особого отношения. Но, конечно, коллеги делали все, чтобы хоть чем-то ему помочь: все знали, что Клюев играет, превозмогая боль и слабость.

1 августа 2020 года он был на сборе труппы в Малом театре. Улыбался и шутил, выглядел бодрым. Но, видимо, уже чувствовал, что с болезнью ему не справиться...